

Феномен зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы»

Ю. В. Чернова¹, И. А. Семина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹iu.v.chernova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении особенностей зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы» как в многоуровневом литературном феномене, интегрирующем психологические, философские и культурные аспекты. Рассматривается семантика зеркала в структуре произведения, где оно выступает как предмет-символ, связывающий сюжет с традиционными японскими представлениями, как инструмент раскрытия кризиса идентичности главного героя. Его отражение становится проекцией «Тени» (Юнг) и расколотого «Я» (Лакан). Зеркало является читателю и в качестве метафоры исповедального дискурса, в рамках которого формальная исповедь героя перед казнью превращается в симулякр покаяния (Бодрийяр). Особое внимание уделяется тому, как Рампо трансформирует архетипические мотивы двойничества через призму модернистской эстетики, умело синтезируя японскую культурную традицию и западные психологические теории. На материале системного анализа текста авторы приходят к выводу о том, что «зеркальность» в рассказе служит не только сюжетообразующим элементом, но и универсальным механизмом репрезентации экзистенциального кризиса личности.

Ключевые слова: зеркальность, Эдогава Рампо, архетип Тени, исповедальный дискурс, кризис идентичности, симулякр

Для цитирования: Чернова Ю. В., Семина И. А. Феномен зеркальности в рассказе Эдогавы Рампо «Близнецы» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 9 (903). С. 124–131.

Original article

The Phenomenon of Mirroring in Edogawa Rampo's Short Story "The Twins"

Iuliia V. Chernova¹, Irina A. Semina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹iu.v.chernova@linguanet.ru

²isemfirs@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to examine the distinctive features of mirroring in Edogawa Rampo's story as a multi-layered literary phenomenon that integrates psychological, philosophical, and cultural dimensions. The study explores the semantics of the mirror within the structure, where it functions as a symbolic object connecting the plot with traditional Japanese conceptions; as an instrument of the protagonist's identity crisis, wherein his reflection becomes a projection of the "Shadow" (C.G. Jung) and a fragmented "Self" (J. Lacan); as a metaphor for confessional discourse, where the formal death-row confession devolves into a simulacrum of repentance (J. Baudrillard). Special attention is given to Rampo's transformation of doppelgänger archetypes through modernist aesthetics, creating a synthesis of Japanese cultural tradition and Western psychological theories. The conclusion posits that "mirroring" in the story serves not only as a plot-forming device but also as a universal mechanism for representing existential crisis.

Keywords: mirroring, Edogawa Rampo, Shadow archetype, confessional discourse, identity crisis, simulacrum

For citation: Chetnova, Iu. V., Semina, I.A. (2025). The Phenomenon of Mirroring in Edogawa Rampo's Short Story "The Twins". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(903), 124–131. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Становление Эдогавы Рампо (1894–1965) происходило в период интенсивного культурного обмена между Японией и западными странами на рубеже XIX–XX веков. Длительная политика сакоку, проводившаяся сёгуном Токугава (1603–1868), существенно ограничила развитие национальной литературы, в частности детективного жанра, который в XIX веке начал активно развиваться в Европе и Америке. Значительные изменения в японском обществе наступили после принудительного открытия страны в 1854 году и последующей реставрации Мэйдзи (1868), когда интеллигенция получила доступ к западно-европейской литературе [Конрад, 1974].

В данном историко-культурном контексте фигура Эдогавы Рампо занимает особое положение. Писатель не только создал новую для японской литературы модель детективного повествования, но и осуществил важную просветительскую миссию, последовательно занявшись переводами произведений западноевропейских и американских писателей, что способствовало популяризации детективного жанра в японской литературе.

Анализ творческого наследия Эдогавы Рампо позволяет утверждать, что, несмотря на очевидное влияние, прежде всего, американской детективной традиции (особенно сильна ориентация японского писателя на творчество Эдгара Аллана По), автор соединяет элементы западного детектива, открытия психоанализа и японскую культурную традицию.

Исследование направлено на раскрытие функций зеркала в тексте; авторы рассматривают его роль не только как сюжетообразующего элемента, но и как ключевого механизма репрезентации кризиса идентичности. Попутно авторы совершают деконструкцию исповедального дискурса и ставят проблему границы между реальностью и иллюзией. Задачи исследования:

- продемонстрировать символическую функцию зеркал в контексте традиционных японских культурных представлений и их трансформацию в модернистской литературной традиции;
- выявить роль зеркальности в кризисе идентичности героя;
- доказать деконструкцию традиционной исповедальной формы посредством зеркальной образности;
- раскрыть синтетический характер творчества Рампо.

Эмпирической базой данного исследования послужил рассказ Эдогавы Рампо «Близнецы» (1924), в котором главный герой, убивший своего

брата-двойника, сталкивается с пугающей трансформацией собственного отражения: зеркало возвращает ему образ жертвы, становясь визуальным воплощением неискупленной вины.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в отечественном и зарубежном литературоведении наблюдается устойчивый интерес к японскому модернизму [Napier, 1996; Seiji, 2002; Orbaugh, 2007; Селимов, 2022; Дуткина; 2024].

1920–1930-е годы представляют собой уникальный этап в истории японской литературы. Он характеризуется интенсивным поиском новых художественных форм и переосмыслением традиционных образов. В этом контексте исследование феномена зеркальности в рассказе «Близнецы» представляется особенно перспективным, поскольку данный мотив выступает своеобразным узлом, связывающим нарративные стратегии, психологическую проблематику и культурные коды.

Зачастую в японской культуре зеркало выступает как сакральный объект, медиатор между мирами и символ истины. У Рампо, напротив, зеркало становится инструментом деконструкции идентичности, носителем тревоги и средством создания гиперреальности, что позволяет по-другому взглянуть на проблему культурного синтеза в творчестве писателя.

Научная новизна исследования проявляется в комплексном подходе к анализу зеркальности как многоуровневого феномена. Впервые в отечественном литературоведении предпринимается систематическое исследование, рассматривающее зеркало у Рампо одновременно как структурный элемент повествования, психологический механизм кризиса идентичности и как культурный код, укорененный в японской традиции. Особый интерес представляет предложенная в работе интерпретация исповедальной формы через призму бодрийеровской концепции симулякра: покаяние главного героя предстает не как акт искреннего сожаления о содеянном, а как перформативный акт самообмана, что принципиально меняет понимание поэтики исповедального дискурса у Рампо.

Методологической основой исследования стали семиотический анализ знаковой природы зеркала, психоаналитический подход к материалу через концепции Юнга (архетип Тени) и Ж. Лакана (стадия зеркала), а также философская интерпретация в рамках теории гиперреальности Бодрийера. Это позволяет выявить особенности поэтики Рампо, в частности, характерный для писателя синтез западных психологических теорий с японской культурной традицией. Этот особый синтез культур (и синтез этнических мировоззрений) находит выражение в нетрадиционной трактовке архетипа двойника.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ЗЕРКАЛЬНОСТИ

Особый интерес представляет обращение Эдогавы Рампо к художественному осмыслению мистического и сверхъестественного. В раннем рассказе «Близнецы» (1924) представляется важным обращение к анализу зеркал, которые выступают одновременно как инструмент исследования человеческой психики и способ демонстрации кризиса идентичности.

В литературном осмыслении зеркал находит свое воплощение архетип Тени, поскольку отражающая поверхность становится метафорой встречи сознательного «Я» со своим отвергнутым двойником. По утверждению К. Г. Юнга, Тень формируется через сложный психологический механизм проекции. Человек, не осознающий свою Тень, постоянно проецирует ее на других, наделяя их собственными качествами [Юнг, 2023]. В художественных текстах этот процесс наглядно проявляется в зеркальных отражениях, которые перестают быть нейтральными, обретая несвойственную им автономность. Особую значимость также приобретает юнгианское понимание Тени как необходимого компонента процесса индивидуации, без которого невозможно достичь целостности личности.

Зеркало как семиотический объект занимает значительное место в современных гуманитарных исследованиях. Концепция, разработанная Жаком Лаканом, раскрывает ключевой механизм формирования человеческого «Я» через идентификацию с собственным отражением. Этот процесс, наблюдаемый у младенца, становится основой для последующего развития субъективности, но одновременно закладывает в нее разрыв между реальным и воображаемым. «Человеческий детеныш в том возрасте, когда он на короткое, но всё-таки еще заметное время превзойден шимпанзе в орудийных способностях мышления, уже узнает, однако, в зеркале как таковой свой образ»¹.

Этот момент первичного узнавания знаменует рождение «идеального Я» – целостного гештальта, который субъект принимает за свою сущность, однако, как подчеркивает Лакан, этот образ не является тождественным реальности: «Целокупная форма тела, посредством которой субъект опережает в мире созревании своих возможностей, дана ему лишь как гештальт, то есть во внешности, где, без сомнения, форма эта более устанавливающая, нежели установленная»².

¹Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я / пер. с фр. А. Скард-Липидуса. 1966. URL: <https://psychic.ru/articles/modern/modern64.htm> (дата обращения: 22.05.2025).

²Там же.

Таким образом, зеркальная стадия становится источником парадоксального отчуждения: субъект идентифицирует себя с образом, который одновременно и принадлежит ему, и является иллюзией. «Я» оказывается заложником воображаемой целостности, противоречащей внутренней фрагментарности. Теория Лакана позволяет интерпретировать зеркало в литературе не просто как символ, а как онтологический инструмент, раскрывающий конфликт между реальным и воображаемым, а также насильственную природу формирования «Я».

Особого внимания заслуживает бахтинская концепция зеркального образа, изложенная в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Ученый подчеркивает принципиальную ограниченность зеркального отражения как инструмента самопознания: «Мы остаемся в себе самих и видим только свое отражение, которое не может стать непосредственным моментом нашего видения и переживания мира... зеркало может дать лишь материал для самообъективации, и притом даже не в чистом виде» [Бахтин, 2003, с. 112].

Значительный вклад в решение проблемы внес труд представителей московско-тартуской семиотической школы «Зеркало. Семиотика зеркальности». Авторы определяют зеркало как важный «инструмент индивидуального самоотожествления» [Зеркало. Семиотика зеркальности, 1988, с. 3]. Таким образом, феномен зеркала рассматривается московско-тартускими учеными не только в психологическом, но и в культурно-семиотическом аспекте. В работе представлен широкий спектр интерпретаций данного явления в художественных текстах, что свидетельствует о его многомерной семантической природе.

ЗЕРКАЛА КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННОЙ ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Особую значимость для понимания произведения Рампо приобретает культурный контекст. Японская традиция восприятия зеркал (кагами) как сакральных объектов, границ между мирами, позволяет Рампо усилить юнгианскую концепцию. Если в западной традиции зеркало преимущественно инструмент самопознания, то в интерпретации Рампо оно становится порталом в ту область, где Тень обретает автономное существование.

На мифопоэтическом уровне зеркало выступает важнейшим элементом космогонического нарратива, что находит свое отражение в ключевых текстах японской литературы – «Кодзики». Зеркало выполняет важную роль в формировании циклической модели мироздания, обеспечивая возвращение солярного божества и, соответственно,

восстановление космического порядка. В данном контексте зеркало приобретает статус не просто ритуального объекта, но сакрального медиатора, обеспечивающего связь между миром богов и миром людей [Главева, 2003].

В синтоистской традиции зеркало знаменует принцип временного воплощения божества, что подчеркивает его онтологический статус в религиозной практике. Примечательно, что в противовес западной традиции, где зеркало преимущественно ассоциируется с репрезентацией (Лакан) или симуляцией (Бодрийяр), в японском контексте оно становится неотъемлемой частью теургического акта, материализуя присутствие kami в физическом мире.

Буддийская интерпретация зеркала как символа просветленного сознания вносит в его семантику дополнительные смысловые слои. В этом отношении зеркало становится метафорой идеального состояния ума, что свидетельствует о семантической гибкости предмета, способного одновременно иллюстрировать и синтоистскую концепцию материального присутствия божества, и буддийскую идею трансцендентной реальности.

В народной культуре зеркало реализует пограничную функцию, оно выступает одновременно как средство защиты и как потенциально опасный объект, связанный с потусторонним миром [Ермакова, 2002]. Эта амбивалентность находит выражение и в многочисленных суевериях, согласно которым зеркало может как отражать злые силы, так и становиться каналом их проникновения в человеческий мир.

Таким образом, зеркало в японской культурной парадигме представляет собой уникальный семиотический феномен. Он интегрирует в себе мифологические архетипы, религиозные доктрины и философские концепты, которые в рассказе Эдогавы Рампо трансформируются под влиянием модернистской эстетики и психологизма, а традиционный для европейского сознания детективный сюжет превращается в глубокое исследование механизмов человеческой психики. Специфика японской культурной традиции при этом позволяет Рампо вывести классическую западную концепцию на новый уровень художественного осмысления.

МЕЖДУ ДВОЙНИКОМ И ТЕНЬЮ: ЗЕРКАЛО КАК КАТАЛИЗАТОР КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В РАССКАЗЕ ЭДОГАВЫ РАМПО «БЛИЗНЕЦЫ»

В литературном контексте зеркало часто становится катализатором столкновения героя со своей Тенью. В романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» магическое зеркало-портрет выполняет именно данную функцию: оно визуализирует

нравственную деградацию, которую сам персонаж отказывается признать. Таким образом, в западной литературе (например, у Гофмана, Уайльда, Стивенсона, к тексту которого Рампо обращается напрямую) зеркало чаще всего выступает в качестве инструмента морального испытания, тогда как в восточной традиции оно нередко наделяется мистическими свойствами портала в потусторонний мир [Дуткина, 2024].

Текст рассказа Эдогавы Рампо «Близнецы» (1924) построен на взаимодействии двух нарративных стратегий: с одной стороны, это классический детективный сюжет о преступлении и его расследовании, с другой – глубокое психологическое исследование кризиса идентичности сквозь призму феномена зеркальности.

Центральный психологический механизм рассказа – проекция Тени главного героя на образ убитого брата-близнеца. Согласно юнгианской теории, Тень как архетип персонифицирует все вытесненные аспекты личности, которые человек отказывается признавать в себе. В рассказе Рампо эта концепция получает буквальное воплощение: физическое сходство братьев становится материальной метафорой их психологического тождества. Совершая убийство, герой фактически пытается уничтожить часть собственного «Я», что приводит к обратному эффекту: Тень не исчезает, а начинает доминировать в психике убийцы. В сюжете рассказа подмена человека Тенью проявляется в том, что протагонист проецирует на образ брата собственные подавленные эмоции и желания.

Зеркальные поверхности в произведении выполняют функцию психологического катализатора. Каждая встреча героя с зеркальным образом актуализирует процесс раздвоения личности: отражение постепенно трансформируется, приобретая черты убитого брата; разрушается граница между «Я» и «Другим», а в дальнейшем реальность замещается иллюзией.

В нарративной структуре рассказа Эдогавы Рампо «Близнецы» зеркало функционирует как сложный семиотический конструкт. В нем синтезируются психологические и культурные коды. Анализ образа протагониста показывает, как внутренний конфликт воплощается в образе «враждебного духа», материализующегося в зеркальных поверхностях. Процесс раздвоения и кризиса личности отражает амбивалентность зеркала как феномена: с одной стороны, оно выступает в качестве инструмента самопознания, с другой – становится источником экзистенциальной угрозы.

Как отмечает Ю. М. Лотман, зеркало в художественном тексте всегда маркирует границу между мирами [Зеркало. Семиотика зеркальности, 1988].

После трагической гибели брата зеркала трансформируются для протагониста из нейтральных объектов в предметы, вызывающие ужас и агрессию. «И всякий раз оттуда на меня глядели налитые ненавистью глаза брата, хотя, разумеется, то было всего лишь мое собственное отражение» (*Э. Рампо. Близнецы*). Писатель подчеркивает когнитивный диссонанс между рациональным пониманием отражения как собственного образа («мое отражение») и его переживанием как иной сущности («глаза брата»).

В философской трактовке Ж. Бодрийера данный феномен получает дальнейшее концептуальное развитие через теорию симулякра. Зеркальное отражение в этом контексте предстает как гиперреальность – знак, утративший связь с референтом и существующий как самостоятельная семиотическая единица. В литературном тексте эта подмена приобретает особую драматичность – отражение начинает диктовать свою волю оригиналу.

Образ погибшего брата в тексте выступает как внутренний голос отчаяния, неосознанный зов совести или попытка апелляции к сознанию главного героя. Этот образ можно интерпретировать как альтернативное «Я» персонажа, поскольку изображения, возникающие в зеркале, остаются отражениями самого героя. Когда в отражении лицо брата приобретает выражение ненависти, загнанности и ледяного презрения, это становится проекцией внутреннего состояния самого героя, охваченного мыслями о совершенном преступлении. «Всё, что отражает свет – посуда, металлические предметы и тому подобное, – являет мне его образ. Когда <...> в камеру пробиваются солнечные дни, я пугаюсь своей же тени» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Наказание, воплощенное в виде образов в зеркалах и витринах, представляет собой подсознательные муки, а собственное отражение становится регулярным напоминанием о том, что ранее существовал человек с такими же чертами внешности и он теперь мертв.

Согласно традициям японской культуры, зеркала рассматриваются как медиаторы, приоткрывающие завесу между мирами живых и мертвых. Они обладают духовной силой и способны влиять на судьбы людей. Протагонист принимает решение совершить убийство, основываясь на том факте, что он и его брат были настолько схожи внешне, что почти являлись отражениями друг друга. «Мы были полным подобием друг друга. Это-то абсолютное сходство и натолкнуло меня на мысль о преступлении. <...> Даже если бы не существовало других иных причин, однако этого сходства было бы достаточно, чтобы прийти к мысли об убийстве» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Протагониста терзает невозможность вынести присутствие человека, обладающего такой же внешностью, глазами и фигурой, как у него самого, однако значительно более успешного. У брата было всё: богатство, уважение, высокий социальный статус и любимая женщина. Взирая на своего двойника, главный герой видит в нем все те достижения, которых он сам не смог добиться, хотя потенциально мог бы. «Скажу прямо, ненавижу его никаких особых причин у меня не было. Если не считать сведавшей меня зависти» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Именно тогда протагонист испытывает страшное озарение. Впоследствии он утверждает, что некий демон вселился в него и подтолкнул к совершению преступления: «Тут меня осенила одна идея, и внушил мне ее, конечно же, не Бог, а дьявол. <...> Казалось сам бес-искуситель нашепывал мне на ухо эти слова» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Братья-близнецы обладали идентичными чертами лица и строением тела. Главный герой отмечает, что даже количество волос на головах братьев совпадало бы вплоть до последней пряди, если бы кто-нибудь решил их сосчитать. «Дело дошло до того, что даже вид собственного тела стал внушать мне ужас, ведь мы с братом и сложены были совершенно одинаково, вплоть до мельчайшей складочки» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Таким образом, герой оказывается обреченным на постоянное преследование со стороны умершего брата. Он избегает любых отражающих поверхностей, таких как зеркала и стекла, что лишь усиливает его параноидальные состояния. Не имея возможности смотреть в зеркало и встретиться лицом к лицу с «братом», герой ощущает постоянное присутствие пугающего фантома, которое невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Психическое расстройство героя постепенно усиливается, сначала под влиянием отражений, затем из-за их отсутствия. Даже отказываясь смотреть в зеркала, герой продолжает испытывать тревогу из-за их существования, а также из-за присутствия мстительного духа брата.

Зеркала становятся причиной безумия, вызывая галлюцинации и создавая мосты в потусторонний мир, где всё иллюзорно и эфемерно. Однако эта иллюзия оказывает влияние на реальную действительность. Мир зеркал соткан из ложных образов и отблесков, но одновременно он открывает истинную природу вещей. Погибший брат главного героя, чье отражение постоянно присутствует в сознании героя, не существует физически, но напоминает о совершенном преступлении, делая всю «реальную» жизнь героя всего лишь театрализованным представлением,

в котором он играет роль старшего брата. Отражение брата в сознании главного героя оказывается более реальным и правдивым, чем его маска в реальном мире.

Финал рассказа демонстрирует классический юнгианский парадокс: попытка уничтожения Тени приводит к тотальному доминированию архетипа в психическом поле человека. Герой Рампо становится живым воплощением тезиса о том, что подавленная Тень всегда возвращается в самых уродливых формах.

Рассказ Эдогавы Рампо «Близнецы» по форме представляет собой исповедь осужденного перед казнью, однако при этом традиционная исповедальная форма подвергается систематической деконструкции. Для исповедального канона ключевым становится искреннее раскаяние, признание вины перед высшей инстанцией и стремление к искуплению, однако уже в открывающем монологе герой демонстрирует принципиальное отклонение от этой модели: «Я хочу признаться во всех своих прегрешениях, чтобы хоть напоследок пожить с чистой совестью» (*Э. Рампо. Близнецы*). Таким образом, мотивом исповеди выступает не очищение души, а прагматичное желание «пожить с комфортом» перед казнью, что десакрализирует природу исповеди, превращая ее в акт расчета.

Дальнейший монолог персонажа строится на последовательном самооправдании его действий. Он перекладывает вину за собственные поступки на родителей, брата, судьбу, тем самым, стремясь, очистить свое имя. «Если уж кого и винить, то, скорее, наших родителей, которые щедро одарили одного сына и обделили другого» (*Э. Рампо. Близнецы*). Исповедь становится, с одной стороны, проявлением гордыни: «Преступление, столь великолепно задуманное, никогда не будет раскрыто» (*Э. Рампо. Близнецы*), а с другой – частью манипуляции: «Мне хочется, святой отец, чтобы жена узнала от Вас всю правду» (*Э. Рампо. Близнецы*).

Таким образом, Рампо трансформирует модель исповеди в инструмент психологической манипуляции и самооправдания. Автор показывает, как вина без раскаяния ведет к экзистенциальному краху. Как отмечает Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» (1981), подобные практики характерны для эпохи, когда ритуал существует, но его смысл исчез [Бодрийяр, 2015]. «Близнецы» Рампо – это не исповедь, а ее призрак, где форма сохраняется, но наполняется принципиально иным содержанием. Такой подход позволяет автору исследовать кризис идентичности в современном мире сквозь призму традиционных жанровых форм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассказе «Близнецы» Эдогава Рампо органично соединяет три культурно-исторических пласта. Во-первых, архаические японские представления о зеркале как сакральном объекте и медиуме между мирами. Во-вторых, литературную традицию мотива двойничества, в соответствии с которым зеркало выступает как граница между реальным и потусторонним. В-третьих, современные автору психологические теории.

Данный синтез порождает особую поэтику рассказа, заключенную в реинтерпретацию традиционных символов. Зеркало, сохраняя свою традиционную функцию медиатора между мирами, становится, прежде всего, инструментом репрезентации внутреннего конфликта. Эдогава Рампо не просто использует традиционные мотивы – он включает эти мотивы в новую систему координат, поскольку архетипические образы японской культуры проявляются через модернистские нарративные техники. Мотив двойника, традиционно связанный с представлениями о загробном мире, трансформируется в психологическую проекцию вины и страха. Этот процесс соответствует общему движению японской литературы 1920–1930-х годов к психологизации традиционных сюжетов.

Важным элементом поэтики становится психологизация сакрального. Если в синтоистской традиции зеркало было вместилищем божественного начала, то у Рампо оно становится средоточием психических травм и вытесненных желаний. Этот переход отражает общую тенденцию модернистской литературы к секуляризации сакральных символов.

Таким образом, Рампо создает многослойный текст, в котором культурная память взаимодействует с современными психологическими концепциями, порождая новую эстетическую форму, которая позволяет сохранить связь с традицией, актуализировать архаические образы в современном контексте и исследовать универсальные психологические механизмы через специфически японский культурный материал.

Как отмечает Сьюзен Напьер в работе «The Fantastic in Modern Japanese Literature», именно этот синтез делает прозу Рампо столь значимым явлением в истории японской литературы, представляя собой уникальный случай адаптации западных литературных форм к японскому культурному контексту без потери национальной специфики [Napier, 1996]. Разработка темы искаженного сознания в творчестве Рампо предвосхитила ключевые тенденции японской литературы XX века, что подтверждает исключительную значимость Эдогавы Рампо как основоположника национальной традиции психологического детектива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конрад Н. И. Японская литература. От Кодзики до Токутomi. М.: Наука, 1974.
2. Napier S. J. The fantastic in modern Japanese literature: the subversion of modernity. London: Routledge, 1996.
3. Seiji M. L. Topographies of Japanese Modernism. New York: Columbia University Press, 2002.
4. Orbaugh S. Japanese Fiction of the Allied Occupation. Brill Academic Pub, 2007.
5. Селимов М. Г. Нервное истощение» (синкэй суйдзяку) и писатель Танидзаки Дзюньитиро // Ежегодник Японии. 2022. № 51. С. 252–265. DOI: 10.55105/2687-1440-2022-51-252-265.
6. Дуткина Г. Б. Об изучении японских демонов на Западе и в России // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. №. 1. С. 20–39. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-1-20-39.
7. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2023.
8. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. Фило-софская эстетика 1920-х годов.
9. Зеркало. Семиотика зеркальности: сборник статей / отв. ред. Ю. М. Лотман. Тарту, 1988. (Труды по знаковым системам. Т. XXII. Вып. 831 / ред. тома З. Г. Минц).
10. Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М.: Восточная литература, 2003.
11. Ермакова Л. М. Магическое и эстетическое в японском обрядовом фольклоре и ранней литературе. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1.
12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум, 2015.

REFERENCES

1. Konrad, N. I. (1974). Yaponskaya literatura. Ot Kodziki do Tokutomi = Japanese literature. From Kodziki to Tokutomi. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Napier, S. J. (1996). The fantastic in modern Japanese literature: the subversion of modernity. London: Routledge.
3. Seiji, M. L. (2002). Topographies of Japanese Modernism. New York: Columbia University Press.
4. Orbaugh, S. (2007). Japanese Fiction of the Allied Occupation. Brill Academic Pub.
5. Selimov, M. G. (2022). "Neurasthenia" (Shinkei Suijaku) and Writer Tanizaki Jun'ichirō. Ezhegodnik Yaponiya, 51, 252–265. DOI 10.55105/2687-1440-2022-51-252-265. (In Russ.)
6. Dutkina, G. B. (2024). On the study of Japanese demons in the West and in Russia. East Asia: Facts and Analytics, 1, 20–39. DOI 10.24412/2686-7702-2024-1-20-39. (In Russ.)
7. Yung, K. G. (2023). Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe = Archetypes and the collective unconscious. Moscow: AST. (In Russ.)
8. Bakhtin, M. M. (2003). Sbranie sochinenii = Collected works (vol. 1. Philosophical aesthetics of the 1920s): in 7 vols. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
9. Lotman, Yu. M. (Ed.). (1988). Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti = Mirror. Semiotics of Mirroring (vol. XXII, issue 831: Trudy po znakovym sistemam, ed. by Z. G. Mints): collection of papers. Tartu. (In Russ.)
10. Glaveva, D. G. (2003). Traditsionnaya yaponskaya kul'tura: Spetsifika mirovospriyatiya = Traditional Japanese culture. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)
11. Ermakova, L. M. (2002). Magicheskoe i ehsteticheskoe v yaponskom obryadovom fol'klore i rannei literatura = Magical and aesthetic in Japanese ritual folklore and early literature (vol. 1). St.Petersburg: Giperion. (In Russ.)
12. Bodriiyar, Z. H. (2015). Simulyakry i simulyatsii = Simulacra and Simulation. Moscow: Postum. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернова Юлия Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

заведующий кафедрой отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета

старший научный сотрудник лаборатории сравнительного литературоведения и культурной дипломатии Московского государственного лингвистического университета

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernova Iuliia Vladimirovna

PhD in Philology, Associate Professor

Head of the Department of Russian and World Literature, Faculty of Translation and Interpreting

Senior Researcher of the Laboratory for Comparative Literature and Cultural Diplomacy

Moscow State Linguistic University

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.07.2025
21.08.2025
15.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication